

Пушкин
Цветаева
Блок

В Петербурге мы сойдёмся...

Поэзия под зелёной лампой

Сборник

В Петербурге мы сойдемся снова...

«Издательство АСТ»

2023

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5

Сборник

В Петербурге мы сойдемся снова... / Сборник — «Издательство АСТ», 2023 — (Поэзия под зелёной лампой)

ISBN 978-5-17-157270-9

Поэтический образ Петербурга... Какой он? На протяжении многих веков этот город являлся источником вдохновения для известных поэтов. У Антона Дельвига – искрящийся и веселый, у Александра Пушкина – величественный и строгий, у Николая Некрасова – комичный и неспешный, у Александра Блока – таинственный и молчаливый, у Зинаиды Гippiус – холодный и нерушимый, у Анны Ахматовой – родной и свободный. Но всегда это одно и то же место, окруженное особым ореолом. Окно в Европу, Северная Венеция, колыбель трех революций, город белых ночей или просто Питер. Петрополь, Петроград, Ленинград, Санкт-Петербург – каким бы именем ни называли поэты любимый город на Неве в разные периоды его истории, с момента основания и до наших дней он остается дорог сердцу каждого, кто хоть раз побывал в нем.

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5

ISBN 978-5-17-157270-9

© Сборник, 2023
© Издательство АСТ, 2023

Содержание

XVIII–XIX века	6
Михаил Ломоносов	6
Надпись 3 к статуе Петра Великого	6
Надпись на спуск корабля, именуемого Иоанна	6
Златоустаго, года, дня	
Денис Давыдов	7
Сон	7
Антон Дельвиг	9
К Е	9
Петербуржским цензорам	10
Степан Шевырёв	12
Петроград	12
Александр Пушкин	14
«Напрасно ахнула Европа...»	14
Медный Всадник	14
Пир Петра Первого	25
Пётр Ершов	27
Прощание с Петербургом	27
Пётр Вяземский	30
Петербургская ночь	30
Николай Некрасов	32
Провинциальный подъячий в Петербурге	32
Кабинет восковых фигур...	40
Конец ознакомительного фрагмента.	42

В Петербурге мы сойдемся снова...

Составление Алины Двадненко

© А.А. Ахматова, наследники, 2023
© Б.Л. Пастернак, наследники, 2023
© А.И. Фатьянов, наследники, 2023
© И.Г. Эренбург, наследники, 2023
© ООО «Издательство АСТ», 2023

XVIII–XIX века

Михаил Ломоносов

Надпись 3 к статуе Петра Великого

Металл, что пламенем на брани устрашает,
В Петрове граде се россиян утешает,
Изобразив в себе лица его черты;
Но если бы его душевны красоты
Изобразить могло притом раченье наше,
То был бы образ сей всего на свете краше.

1743–1747

Надпись на спуск корабля, именуемого
Иоанна Златоустаго, года, дня

Сойди к нам, Златоуст, оставив небеса,
Достойна твоего здесь зренья краса:
Петрова дщерь тебе корабль сей посвящает
И именем твоим всё море наполняет.
Когда ты пойдёшь в путь на нём
между валов,
Греми против её завистливых врагов.
Златыми прежде ты гремел
в церквах устами,
Но пламенными впредь звучи
в водах словами.

8 сентября 1751

Денис Давыдов

СОН

– Кто столько мог тебя,
 мой друг, развеселить?
От смеха ты почти не можешь говорить.
Какие радости твой разум восхищают,
Иль дёньгами тебя без векселя ссужают?
Иль талия тебе счастливая пришла
И двойка трантель-ва на выдержку взяла?
Что сделалось с тобой,
 что ты не отвечаешь?
– Ай! дай мне отдохнуть,
 ты ничего не знаешь!
Я, право, вне себя, я чуть с ума не шёл:
Я нонче Петербург совсем другим нашёл!
Я думал, что весь свет совсем переменился:
Вообрази – с долгом
 Нарышкин расплатился;
Не видно более педантов, дураков,
И даже поумнел Загрязской, Свистунов!
В несчастных рифмачах
 старинной нет отваги,
И милый наш Марин не пачкает бумаги,
А, в службу углубясь, трудится головой:
Как, заводивши взвод,
 во время крикнуть: стой!
Но больше я чему с восторгом удивлялся:
Копьев, который так
 Ликургом притворялся,
Для счастья нашего законы нам писал,
Вдруг, к счастью нашему,
 писать их перестал.
Во всем счастливая явилась перемена,
Исчезло воровство,
 грабительство, измена,
Не видно более ни жалоб, ни обид,
Ну, словом, город взял совсем
 противный вид.
Природа красоту дала в удел уроду,
И сам Лаваль престал *коситься* на природу,
Багратиона нос вершком короче стал,
И Дибич красотой людей перепугал,
Да я, который сам, с начала своего века,
Носил с натяжкой название человека,

Гляжуся, радуюсь, себя не узнаю:
Откуда красота, откуда рост – смотрю;
Что слово – то *bon mot*¹,
 что взор – то страсть вселяю,
Дивлюся – как менять интриги успеваю!
Как вдруг, о гнев небес!
 вдруг рок меня сразил:
Среди блаженных дней
 Андрюшка разбудил
И всё, что видел я, чем столько веселился —
Всё видел я во сне, всего со сном лишился.

1803

¹ Острое словцо (*фр.*). – Здесь и далее примечания редактора.

Антон Дельвиг

К Е

Ты в Петербурге, ты со мной,
В объятьях друга и поэта!
Опять прошедшего мы лета,
О трубадур весёлый мой,
Забавы, игры воскресили;
Опять нас ветвями покрыли
Густые рощи островов
И приняла на шумны волны
Нева и братьев, и певцов.
Опять веселья, жизни полный,
Я счастлив радостью друзей;
Земли и неба житель вольный
И тихой жизнью довольный,
С беспечной музою моей
Друзьям пою любовь, похмелье
И хлопотливое безделье
Удалых рыцарей стола,
За коим шалость и веселье,
Под звон блестящего стекла,
Поют, бокалы осушают
И громким смехом заглушают
Часов однообразный бой.
Часы бегут своей чредой!
Удел глупца иль Гераклита,
Безумно воя, их считать.
Смешно бы, кажется, кричать
(Когда златым вином налита,
Обходит чаша вокруг столов
И свежим запахом плодов
Нас манят полные корзины),
Что все у бабушки Судьбины
В сей краткой жизни на счету,
Что старая то наслажденье,
То в списке вычеркнет мечту,
Прогонит радость; огорченье
Шлет с скукой и болезнью нам,
Поссорит, разлучит нас с милой;
Перенесем, глядишь – а там
Она грозит нам и могилой.
Пусть плачут и томят себя,
Часов считают бой унылый!
Мы ж время измерять, друзья,

По налитым бокалам станем —
Когда вам петь престану я,
Когда мы пить вино устанем,
Да и его уж не найдём,
Тогда на утро мельком взглянем
И спать до вечера пойдём.

О, твой певец не ищет славы!
Он счастья ищет в жизни сей,
Свою любовь, свои забавы
Поёт для избранных друзей
И никому не подражает.
Пускай Орестов уверяет,
Наш антикварий, наш мудрец,
Почерпнувший свои познания
В мадам Жанлис, что твой певец
И спит, и пьёт из подражания;
Пусть житель Острова, где вам,
О музы вечно молодые,
Желая счастья сынам,
Вверяет юношей Россия,
Пусть он, с священных сих берегов,
Невежа злой и своевольный
И глупостью своей довольный,
Мою поносит к вам любовь:
Для них я не потрачу слов —
Клянусь надеждами моими,
Я оценил сих мудрецов —
И если б я был равен с ними,
То горько б укорял богов.

Август 1821

Петербургским цензорам

Перед вами нуль Тимковский!
В вашей славе он погас;
Вы по совести поповской,
Цензуруя, жмёте нас.
Славьтесь, Бируков, Красовский!
Вам дивится даже князь!

Член тюремный и Библейский
Цензор, мистик и срамец,
Он с душонкою еврейской,
Наш гонитель, князя льстец.
Славься, славься, дух лакейский,
Славься, доблестный подлец!

Вас и дух святой робеет:
Он, как мы, у вас в когтях;
Появиться он не смеет
Даже в Глинкиных стихах.
Вот как семя злое зреет!
Вот как всё у нас в тисках!

Ни угрозою, ни лаской,
Видно, вас не уломать;
Олин и Григорий Спасский
Подозрения в вас ролят.
Славьтесь цензорской указкой!
Таски вам не миновать.

1823–1824

Степан Шевырёв

Петроград

Море спорило с Петром:
«Не построишь Петрограда;
Покачу я шведской гром,
Кораблей крылатых стадо.
Хлынет вспять моя Нева,
Ополченная водами:
За отъятые права
Отомщу её волнами.

Что тебе мои поля,
Вечно полные волнений?
Велика твоя земля,
Не озреть твоих владений!»
Глухо Пётр внимал речам:
Море злилось и шумело,
По синеющим устам
Пена белая кипела.

Речь Петра гремит в ответ:
«Сдайся, дерзостное море!
Нет, – так пусть узнает свет:
Кто из нас могучей в споре?
Станет град же, наречён
По строителе высокому:
Для моей России он
Просвещения будет оком.

По хребтам твоих же вод,
Благодарна, изумленна,
Плод наук мне принесёт
В пользу чад моих вселенна, —
И с твоих же берегов
Да узрят народы славу
Руси бодрственных сынов
И окрепшую державу».

Рек могучий – и речам
Море вторило сурово,
Пена билась по устам,
Но сбылось Петрово слово.
Чу!.. в Рифей стучит булат!
Истекают реки злата,

И родится чудо-град
Из неплодных топей блата.

Тяжкой движется стопой
Исполин – гранит упорный
И приемлет вид живой,
Млату бодрому покорный.
И в основу зыбких блат
Улеглись миллионы:
Всходят храмы из громад
И чертоги и колонны.

Шпиц, прорезав недра туч,
С башни вспыхнул величавый,
Как ниспадный солнца луч
Или луч Петровой славы.
Что чернеет лоно вод?
Что шумят валы морские?
То дары Петру несёт
Побежденная стихия.

Прилетели корабли.
Вышли чуждые народы
И России принесли
Дань наук и плод свободы.
Отряхнув она с очей
Мрак невежественной ночи,
К свету утренних лучей
Отверзает бодры очи.

Помнит древнюю вражду,
Помнит мстительное море,
И да мщенья примет мзду,
Шлёт на град потоп и горе.
Ополчается Нева,
Но от твёрдого гранита,
Не отъяв свои права,
Удаляется сердита.

На отломок диких гор
На коне взлетел строитель;
На добычу острый взор
Устремляет победитель;
Зоркий страж своих работ
Взором сдерживает море
И насмешливо зовёт:
«Кто ж из нас могучей в споре?»

Александр Пушкин

«Напрасно ахнула Европа...»

Напрасно ахнула Европа,
Не унывайте, не беда!
От петербургского потопа
Спаслась «Полярная Звезда».
Бестужев, твой ковчег на бреге!
Парнаса блещут высоты;
И в благодетельном ковчеге
Спаслись и люди, и скоты.

1825

Медный Всадник

Вступление

На берегу пустынных волн
Стоял он, дум великих полн,
И вдаль глядел. Пред ним широко
Река неслася; бедный чёлн
По ней стремился одиноко.
По мшистым, топким берегам
Чернели избы здесь и там,
Приют убогого чухонца;
И лес, неведомый лучам
В тумане спрятанного солнца,
Кругом шумел.
И думал он:
Отсель грозить мы будем шведу,
Здесь будет город заложен
На зло надменному соседу.
Природой здесь нам суждено
В Европу прорубить окно,
Ногою твердой стать при море.
Сюда по новым им волнам
Все флаги в гости будут к нам,
И запируем на просторе.

Прошло сто лет, и юный град,
Полночных стран краса и диво,
Из тьмы лесов, из топи блат

Вознёсся пышно, горделиво;
Где прежде финский рыболов,
Печальный пасынок природы,
Один у низких берегов
Бросал в неведомые воды
Свой ветхой невод, ныне там
По оживлённым берегам
Громады стройные теснятся
Дворцов и башен; корабли
Толпой со всех концов земли
К богатым пристаням стремятся;
В гранит оделася Нева;
Мосты повисли над водами;
Тёмно-зелёными садами
Её покрылись острова,
И перед младшею столицей
Померкла старая Москва,
Как перед новою царицей
Порфиноносная вдова.
Люблю тебя, Петра творенье,
Люблю твой строгий, стройный вид,
Невы державное течение,
Береговой её гранит,
Твоих оград узор чугунный,
Твоих задумчивых ночей
Прозрачный сумрак, блеск безлунный,
Когда я в комнате моей
Пишу, читаю без лампады,
И ясны спящие громады
Пустынных улиц, и светла
Адмиралтейская игла,
И, не пуская тьму ночную
На золотые небеса,
Одна заря сменить другую
Спешит, дав ночи полчаса.
Люблю зимы твоей жестокой
Недвижный воздух и мороз,
Бег санок вдоль Невы широкой,
Девичьи лица ярче роз,
И блеск, и шум, и говор балов,
А в час пирушки холостой
Шипенье пенистых бокалов
И пунша пламень голубой.
Люблю воинственную живость
Потешных Марсовых полей,
Пехотных ратей и коней
Однообразную красоту,
В их стройно зыблемом строю
Лоскутья сих знамён победных,

Сиянье шапок этих медных,
На сквозь простреленных в бою.
Люблю, военная столица,
Твоей твердыни дым и гром,
Когда полнощная царица
Дарует сына в царской дом,
Или победу над врагом
Россия снова торжествует,
Или, взломав свой синий лёд,
Нева к морям его несёт
И, чуя вешни дни, ликует.

Красуйся, град Петров, и стой
Неколебимо как Россия,
Да умирится же с тобой
И побеждённая стихия;
Вражду и плен старинный свой
Пусть волны финские забудут
И тщетной злобою не будут
Тревожить вечный сон Петра!

Была ужасная пора,
Об ней свежо воспоминанье...
Об ней, друзья мои, для вас
Начну свое повествованье.
Печален будет мой рассказ.

Часть первая

Над омрачённым Петроградом
Дышал ноябрь осенним хладом.
Плеская шумною волной
В края своей ограды стройной,
Нева металась, как больной
В своей постеле беспокойной.
Уж было поздно и темно;
Сердито бился дождь в окно,
И ветер дул, печально воя.
В то время из гостей домой
Пришёл Евгений молодой...
Мы будем нашего героя
Звать этим именем. Оно
Звучит приятно; с ним давно
Мое перо к тому же дружно.
Прозванья нам его не нужно,
Хотя в минувши времена
Оно, быть может, и блистало

И под пером Карамзина
В родных преданьях прозвучало;
Но ныне светом и молвой
Оно забыто. Наш герой
Живет в Коломне; где-то служит,
Дичится знатных и не тужит
Ни о почившей родне,
Ни о забытой старине.

Итак, домой пришед, Евгений
Страхнул шинель, разделся, лёг.
Но долго он заснуть не мог
В волненье разных размышлений.
О чем же думал он? о том,
Что был он беден, что трудом
Он должен был себе доставить
И независимость, и честь;
Что мог бы Бог ему прибавить
Ума и денег. Что ведь есть
Такие праздные счастливы,
Ума недалёкого, ленивы,
Которым жизнь куда легка!
Что служит он всего два года;
Он также думал, что погода
Не унималась; что река
Всё прибывала; что едва ли
С Невы мостов уже не сняли
И что с Парашей будет он
Дни на два, на три разлучен.
Евгений тут вздохнул сердечно
И размышлялся, как поэт:

«Жениться? Мне? зачем же нет?
Оно и тяжело, конечно;
Но что ж, я молод и здоров,
Трудиться день и ночь готов;
Уж кое-как себе устрою
Приют смиренный и простой
И в нём Парашу успокою.
Пройдёт, быть может, год-другой —
Местечко получу, Параше
Препоручу семейство наше
И воспитание ребят...
И станем жить, и так до гроба
Рука с рукой дойдем мы оба,
И внуки нас похоронят...»

Так он мечтал. И грустно было
Ему в ту ночь, и он желал,

Чтоб ветер выл не так уныло
И чтобы дождь в окно стучал
Не так сердито...
Сонны очи
Он наконец закрыл. И вот
Редает мгла ненастной ночи
И бледный день уж настает...
Ужасный день!
Нева всю ночь
Рвалася к морю против бури,
Не одолев их буйной дури...
И спорить стало ей невмочь...
Поутру над её берегами
Теснился кучами народ,
Любуясь брызгами, горами
И пеной разъярённых вод.
Но силой ветров от залива
Переграждённая Нева
Обратно шла, гневна, бурлива,
И затопляла острова,
Погода пуще свирепела,
Нева вздувалась и ревела,
Котлом клокоча и клубясь,
И вдруг, как зверь остервенясь,
На город кинулась. Пред нею
Всё побежало, всё вокруг
Вдруг опустело – воды вдруг
Втекли в подземные подвалы,
К решеткам хлынули каналы,
И всплыл Петрополь как тритон,
По пояс в воду погружен.

Осада! приступ! злые волны,
Как воры, лезут в окна. Челны
С разбега стекла бьют кормой.
Лотки под мокрой пеленой,
Обломки хижин, брёвны, кровли,
Товар запасливой торговли,
Пожитки бледной нищеты,
Грозой снесённые мосты,
Гроба с размытого кладбища
Плывут по улицам!
Народ
Зрит божий гнев и казни ждет.
Увы! всё гибнет: кров и пища!
Где будет взять?
В тот грозный год
Покойный царь ещё Россией
Со славой правил. На балкон,

Печален, смутен, вышел он
И молвил: «С божией стихией
Царям не совладеть». Он сел
И в думе скорбными очами
На злое бедствие глядел.
Стояли стогны озерами,
И в них широкими реками
Вливались улицы. Дворец
Казался островом печальным.
Царь молвил – из конца в конец,
По ближним улицам и дальным
В опасный путь средь бурных вод
Его пустились генералы
Спасать и страхом обуялый
И дома тонущий народ.

Тогда, на площади Петровой,
Где дом в углу вознёсся новый,
Где над возвышенным крыльцом
С поднятой лапой, как живые,
Стоят два льва сторожевые,
На звере мраморном верхом,
Без шляпы, руки сжав крестом,
Сидел недвижный, страшно бледный
Евгений. Он страшился, бедный,
Не за себя. Он не слышал,
Как подымался жадный вал,
Ему подошвы подмывая,
Как дождь ему в лицо хлестал,
Как ветер, буйно завывая,
С него и шляпу вдруг сорвал.
Его отчаянные взоры
На край один наведены
Недвижно были. Словно горы,
Из возмущённой глубины
Вставали волны там и злились,
Там буря выла, там носились
Обломки... Боже, боже! там —
Увы! близёхонько к волнам,
Почти у самого залива —
Забор некрашенный, да ива
И ветхий домик: там оне,
Вдова и дочь, его Параша,
Его мечта... Или во сне
Он это видит? иль вся наша
И жизнь ничто, как сон пустой,
Насмешка неба над землей?

И он, как будто околдован,

Как будто к мрамору прикован,
Сойти не может! Вкруг него
Вода и больше ничего!
И, обращён к нему спиною,
В неколебимой вышине,
Над возмущённою Невою
Стоит с простёртою рукою
Кумир на бронзовом коне.

Часть вторая

Но вот, насытись разрушением
И наглым буйством утомясь,
Нева обратно повлеклась,
Своим любуясь возмущеньем
И покидая с небреженьем
Свою добычу. Так злодей,
С свирепой шайкою своей
В село ворвавшись, ломит, режет,
Крушит и грабит; вопли, скрежет,
Насилье, брань, тревога, вой!..
И, грабежом отягощённы,
Боясь погони, утомлённы,
Спешат разбойники домой,
Добычу на пути роняя.

Вода сбыла, и мостовая
Открылась, и Евгений мой
Спешит, душою замирая,
В надежде, страхе и тоске
К едва смилившейся реке.
Но, торжеством победы полны,
Ещё кипели злобно волны,
Как бы под ними тлел огонь,
Ещё их пена покрывала,
И тяжело Нева дышала,
Как с битвы прибежавший конь.
Евгений смотрит: видит лодку;
Он к ней бежит как на находку;
Он перевозчика зовёт —
И перевозчик беззаботный
Его за гривенник охотно
Чрез волны страшные везёт.

И долго с бурными волнами
Боролся опытный гребец,
И скрыться вглубь меж их рядами

Всечасно с дерзкими пловцами
Готов был челн – и наконец
Достиг он берега.
Несчастный
Знакомой улицей бежит
В места знакомые. Глядит,
Узнать не может. Вид ужасный!
Всё перед ним завалено;
Что сброшено, что снесено;
Скривились домики, другие
Совсем обрушились, иные
Волнами сдвинуты; кругом,
Как будто в поле боевом,
Тела валяются. Евгений
Стремглав, не помня ничего,
Изнемогая от мучений,
Бежит туда, где ждет его
Судьба с неведомым известьем,
Как с запечатанным письмом.
И вот бежит уж он предместьем,
И вот залив, и близок дом...
Что ж это?..
Он остановился.
Пошёл назад и воротился.
Глядит... идет... ещё глядит.
Вот место, где их дом стоит;
Вот ива. Были здесь ворота —
Снесло их, видно. Где же дом?
И, полон сумрачной заботы,
всё ходит, ходит он кругом,
Толкует громко сам с собою —
И вдруг, удара в лоб рукою,
Захохотал.
Ночная мгла
На город трепетный сошла;
Но долго жители не спали
И меж собою толковали
О дне минувшем.
Утра луч
Из-за усталых, бледных туч
Блеснул над тихою столицей
И не нашёл уже следов
Беды вчерашней; багряницей
Уже прикрыто было зло.
В порядок прежний всё вошло.
Уже по улицам свободным
С своим бесчувствием холодным
Ходил народ. Чиновный люд,
Покинув свой ночной приют,

На службу шёл. Торгаш отважный,
Не унывая, открывал
Невой ограбленный подвал,
Сбираясь свой убыток важный
На ближнем выместить. С дворов
Свозили лодки.
Граф Хвостов,
Поэт, любимый небесами,
Уж пел бессмертными стихами
Несчастье невских берегов.
Но бедный, бедный мой Евгений...
Увы! его смятенный ум
Против ужасных потрясений
Не устоял. Мятежный шум
Невы и ветров раздавался
В его ушах. Ужасных дум
Безмолвно полон, он скитался.
Его терзал какой-то сон.
Прошла неделя, месяц – он
К себе домой не возвращался.
Его пустынный уголок
Отдал внаймы, как вышел срок,
Хозяин бедному поэту.
Евгений за своим добром
Не приходил. Он скоро свету
Стал чужд. Весь день бродил пешком,
А спал на пристани; питался
В окошко поданным куском.
Одежда ветхая на нём
Рвалась и тлела. Злые дети
Бросали камни вслед ему.
Нередко кучерские плети
Его стегали, потому
Что он не разбирал дороги
Уж никогда; казалось – он
Не примечал. Он оглушён
Был шумом внутренней тревоги.
И так он свой несчастный век
Влачил, ни зверь ни человек,
Ни то ни сё, ни житель света,
Ни призрак мёртвый...
Раз он спал
У невской пристани. Дни лета
Клонились к осени. Дышал
Ненастный ветер. Мрачный вал
Плескал на пристань, ропща пени
И бясь об гладкие ступени,
Как челобитчик у дверей
Ему не внемлющих судей.

Бедняк проснулся. Мрачно было:
Дождь капал, ветер выл уныло,
И с ним вдали, во тьме ночной
Перекликался часовой...
Вскочил Евгений; вспомнил живо
Он прошлый ужас; торопливо
Он встал; пошёл бродить, и вдруг
Остановился – и вокруг
Тихонько стал водить очами
С боязнью дикой на лице.
Он очутился под столбами
Большого дома. На крыльце
С поднятой лапой, как живые,
Стояли львы сторожевые,
И прямо в тёмной вышине
Над ограждённою скалою
Кумир с простёртою рукою
Сидел на бронзовом коне.

Евгений вздрогнул. Прояснились
В нём страшно мысли. Он узнал
И место, где потоп играл,
Где волны хищные толпились,
Бунтуя злобно вокруг него,
И львов, и площадь, и того,
Кто неподвижно возвышался
Во мраке медною главой,
Того, чьей волей роковой
Под морем город основался...
Ужасен он в окрестной мгле!
Какая дума на челе!
Какая сила в нём сокрыта!
А в сём коне какой огонь!
Куда ты скачешь, гордый конь,
И где опустишь ты копыта?
О мощный властелин судьбы!
Не так ли ты над самой бездной
На высоте, уздой железной
Россию поднял на дыбы?

Кругом подножия кумира
Безумец бедный обошел
И взоры дикие навел
На лик державца полумира.
Стеснилась грудь его. Чело
К решётке хладной прилегло,
Глаза подернулись туманом,
По сердцу пламень пробежал,
Вскипела кровь. Он мрачен стал

Пред горделивым истуканом
И, зубы стиснув, пальцы сжав,
Как обуянный силой чёрной,
«Добро, строитель чудотворный! —
Шепнул он, злобно задрожав, —
Ужо тебе!..» И вдруг стремглав
Бежать пустился. Показалось
Ему, что грозного царя,
Мгновенно гневом возгоря,
Лицо тихонько обращалось...
И он по площади пустой
Бежит и слышит за собой —
Как будто грома грохотанье —
Тяжёло-звонкое скаканье
По потрясённой мостовой.
И, озарен луною бледной,
Простерши руку в вышине,
За ним несётся Всадник Медный
На звонко-скачущем коне;
И во всю ночь безумец бедный,
Куда стопы ни обращал,
За ним повсюду Всадник Медный
С тяжёлым топотом скакал.

И с той поры, когда случилось
Идти той площадью ему,
В его лице изображалось
Смятенье. К сердцу своему
Он прижимал поспешно руку,
Как бы его смиряя муку,
Картуз изношенный сымал,
Смущённых глаз не подымал
И шёл сторонкой.
Остров малый
На взморье виден. Иногда
Причалит с неводом туда
Рыбак на ловле запоздалый
И бедный ужин свой варит,
Или чиновник посетит,
Гуляя в лодке в воскресенье,
Пустынный остров. Не взросло
Там ни былинки. Наводнение
Туда, играя, занесло
Домишко ветхой. Над водою
Остался он как чёрный куст.
Его прошедшею весною
Свезли на барке. Был он пуст
И весь разрушен. У порога
Нашли безумца моего,

И тут же хладный труп его
Похоронили ради Бога.

1833

Пир Петра Первого

Над Невою резво выются
Флаги пёстрые судов;
Звучно с лодок раздаются
Песни дружные гребцов;
В царском доме пир весёлый;
Речь гостей хмельна, шумна;
И Нева пальбой тяжёлой
Далеко потрясена.

Что пирует царь великий
В Питербурге-городке?
Отчего пальба и клики
И эскадра на реке?
Озарён ли честью новой
Русской штык иль русской флаг?
Побеждён ли швед суровый?
Мира ль просит грозный враг?

Иль в отъятый край у шведа
Прибыл Брантов утлый бот,
И пошёл навстречу *деда*
Всей семьёй наш юный флот,
И воинственные внуки
Стали в строй пред стариком,
И раздался в честь Науки
Песен хор и пушек гром?

Годовщину ли Полтавы
Торжествует государь,
День, как жизнь своей державы
Спас от Карла русский царь?
Родила ль Екатерина?
Именинница ль она,
Чудотворца-исполина
Чернобровая жена?

Нет! Он с подданным мирится;
Виноватому вину
Отпуская, веселится;
Кружку пенит с ним одну;
И в чело его цалует,

Светел сердцем и лицом;
И прощенье торжествует,
Как победу над врагом.

Оттого-то шум и клики
В Питербурге-городке,
И пальба и гром музыки
И эскадра на реке;
Оттого-то в час весёлый
Чаша царская полна,
И Нева пальбой тяжёлой
Далеко потрясена.

1835

Пётр Ершов

Прощание с Петербургом

Сокрылось солнце за Невую,
Роскошно розами горя...
В последний раз передо мною
Горишь ты, невская заря!
В последний раз в тоске глубокой
Я твой приветствую восход:
На небе родины далёкой
Меня другое солнце ждёт.
О, не скрывай, заря, так рано
Волшебный блеск твоих лучей
Во мгле вечернего тумана,
Во тьме безмесячных ночей!
О, дай насытить взор прощальный
Твоим живительным огнём,
Горящим в синеве хрустальной
Блестящим радужным венцом!..
Но нет! Румяный блеск слабеет
Зари вечерней; вслед за ней
Печальный сумрак хладом веет
И тушит зарево огней.
Сквозь ткани ночи гробовые
На недоступных высотах
Мелькают искры золотые, —
И небо в огненных цветах.
И стихнул ветер в снежном поле,
И спит престольный град царя...
О, не видать тебя мне боле,
Святая невская заря!
Ты вновь оденешь запад хладный
Огнями вечера; но, ах!
Не для меня их свет отрадный
Заблещет в розовых венцах.
Не для меня! В стране далёкой,
Питомец бурей и снегов,
Блуждать я буду одинокой
В глуши подоблачных лесов.
Прими последнее прощанье!..
.....
Прости и ты, о град державный,
Твердыня северных морей,
Венец отчизны православной,
Жилище пышное царей,

Петра могучее творенье!
О, кто б в великую борьбу,
Кто б угадал твое рожденье,
Твою высокую судьбу?
Под шумом бурь грозы военной,
По гласу мощному Петра,
В лесах страны иноплемённой
Воздвиглась русская гора,
На ней воссел орел двуглавый,
И клик победный огласил
Поля пустынные Полтавы
И груды вражеских могил.
И вновь бедой неотвратимой
Над дерзким галлом прошумел, —
И пал во прах непобедимый,
И мир свободой воскипел!
О, сколько доблестных деяний
Вписала северная сталь
В дневник твоих воспоминаний,
В твою гранитную скрижаль!
В твоих священных храмах веют
Народной славой знамена,
И на гробах твоих светлеют
Героев русских имена.
Вот он — зиждитель твой чудесный,
Твой, полунощный Прометей!
Но тот похитил огонь небесный,
А твой носил в душе своей...
Россия при дверях могилы,
Её держал татарский сон.
Явился Пётр, — и в мёртвы жилы
Дыханье жизни вдунул он.
Она восстала, Русь святая,
Могуща, радостна, светла
И, юной жизнью расцветая,
Годами веки протекла!..
Зари чудесного рожденья
В тебе блеснул вначале свет;
Ты был предтечей воскресенья
И первым вестником побед!
Летами юный, ветхий славой,
Величья русского залог,
Прости, Петрополь величавый,
Невы державный полубог!
Цвети под радужным сияньем
Твоей блистательной весны
И услаждай воспоминаньем
Поэта сумрачные сны!

1835

Пётр Вяземский

Петербургская ночь

Дышит счастьем,
Сладострастьем
Упоительная ночь!
Ночь немая,
Голубая,
Неба северного дочь!

После зноя тихо дремлет
Прохлаждённая земля;
Не такая ль ночь объемлет
Елисейские поля!
Тени лёгкие, мелькая,
В светлом сумраке скользят,
Ночи робко доверяя
То, что дню не говорят.

Дышит счастьем,
Сладострастьем
Упоительная ночь!
Ночь немая,
Голубая,
Неба северного дочь!

Блещут свежестью сапфирной
Небо, воздух и Нева,
И, купаясь в влаге мирной,
Зеленеют острова.
Вёсел мерные удары
Раздаются на реке
И созвучьями гитары
Замирают вдалеке.

Дышит счастьем,
Сладострастьем
Упоительная ночь!
Ночь немая,
Голубая,
Неба северного дочь!

Как над ложем новобрачной
Притаившиеся сны,
Так в ночи полупрозрачной

Гаснут звёзды с вышины!
Созерцанья и покоя
Благодатные, часы!
Мирной ночи с днём без зноя
Чудом слитые красы!

Дышит счастьем,
Сладострастьем
Упоительная ночь!
Ночь немая,
Голубая,
Неба северного дочь!

Чистой неги, сладкой муки
Грудь таинственно полна.
Чу! Волшебной песни звуки
Вылетают из окна.
Пой, красавица певица!
Пой, залётный соловей,
Сладкозвучная царица
Поэтических ночей!

Дышит счастьем,
Сладострастьем
Упоительная ночь!
Ночь немая,
Голубая,
Неба северного дочь!

Николай Некрасов

Провинциальный подьячий в Петербурге

1

Ох, времечко! Скорёхонько
Летишь ты, хоть без крыл.
Уж двадцать лет ровнёхонько,
Как в Питере я был.
В питейном департаменте
Служение имел,
На каменном фундаменте
Домишком я владел.
С особами отличными
В знакомстве состоял,
Поклонами приличными
Начальству угождал.
Как всё переменилось!
Мне Питер стал чужой;
Всё новое явилось,
Чуть пахнет стариной!
Секрет мой обнародовать
Вновь прибыл я в него,
Хоть много израсходовать
Пришлось мне для того.
Одно мне утешительно,
Что ведать кой-кому
Секрет такой спасительно.
Приступим же к нему:

Грамматику, эстетику
Из мысли я прогнал.
Люблю лишь арифметику,
От ней богат я стал.
Сперва я от *деления*
Немало получил:
Начальник отделения
Делить меня учил.
По мере повышения
Мой капитал толстел
И рос – от *умножения*
Просителей и дел.
Дало плод *вычитание*,
Как подчиненным я

Не братъ дал приказание,
За *вычетом* себя.
Сложив всё, в заключении
Сложенье я узнал,
И вышел от сложения
Изрядный капитал.
Хоть шиворот-навыворот
Я правила прошел,
Не выведут за шиворот,
Куда б я ни вошел!

До Павловска катался я
Железной мостовой,
Парами восхищался я —
Не столько быстротой!
В воксале, в упоении,
Прослушал я цыган:
Вот, доложу, уж пение —
Что палкинский орган!..
Смотрел намедни «Фебуса»...
В нём Сосницкий лихой...
Ну точно у Брамбеуса,
Смешливый слог такой.
Я надорвал животики,
От смеха лопнул фрак!
Читая «Библиотеки»,
Не хохотал я так!..
Пришлось «Титулярных» раз
Мне как-то посмотреть,
Вот здесь так, уверяю вас,
Другому б умереть!
Над ними, посудите-ка,
Смеются так, что страх;
Ну, это просто критика:
Я сам в таких чинах!..
Вчера смотрел Тальони я,
Притом ещё в «Тени»:
В поступках – благовония
И прелести одни.
Что это за чудесница!
Не жаль пяти рублей!
Отменно пляшет крестница, —
Но далеко до ней...
Весь Невский, чудо Питера,
На ваньке облетел;
На вывеске кондитера
Я диво усмотрел:
Там в «Пчёлку» с умилением
Турецкий франт глядит,

Читает с наслаждением
Гречанка «Инвалид».
Он в красках всё прелестнейших
Представил напоказ;
Таких вещей чудеснейших
И в Пскове нет у нас!
Не ждал, чтоб ум в кондитере
Был сметлив так, клянусь...
Уж подлинно, что в Питере
Во всём изящный вкус...
Трубой какой-то внутренней
На Невский из земли
Светящий до заутренней
Газ немцы провели.
Накрыт стеклянной шапкою,
Огонь большой такой
Горит гусиной лапкою!
Ну так... что день-деньской!
Прощайте! оставляю вас.
Чувств много, мало слов!
В Кунсткамеру бегу сейчас,
А завтра еду в Псков...

2

Снова – здорово!

Хоть друг я в аккуратности,
Хоть я не ротозей,
Избегнуть коловратности
Не мог я в жизни сей.
Вернуться с первой станции
Я в Питер должен был,
Понеже в нём квитанции
По делу позабыл.
В великую конфузию
Был тем я приведен,
Как будто бы контузию
Мне дал Наполеон.
Меня так озадачило,
Что тут же на пути,
Как в лихорадке, начало
В санях меня трясти.
Я чуть не обморозился,
Не мог ни есть, ни спать;
Приехав, прямо бросился
Квитанции искать.
Хозяйка той гостиницы,

Где я стоял, была
В тот день у именинницы
И комнат не мела.
«Ну, это, – молвил радостно
Я сам себе, – к добру!»
Искал с надеждой сладостной
И всё нашёл в сору...
Душа в каких-то сладостях
Тонула у меня;
Я в Питере, на радостях,

Остался на три дня.
На Невском у механика
Казал мне кум Антип
Картины, в виде пряника, —
То есть – дагерротип.
Божуся вам сурьезно я:
Их солнышко печёт;
Ну, штука прекурьезная:
Немецкий всё расчёт!
Ходил я в Академию
«Помпею» ту смотреть,
За что Брюллову премию
Пришлось возыметь.
Вот это прелесть суцая!
Картина вся в огнях,
Народу там тьма-тьмуцая
Пешком и на конях.
И видно, что с постели их
Спугнул всех ночью страх:
Иные без сапог из них,
Иные в колпаках.
Там мальчик, такой душенька,
На улице лежит
И точно мой Петрушенька
Глазёнками глядит.
Там деньги, ради прибыли,
Сбирает с мостовой,
Согнувшись в три погибели,
Кашей такой седой.
На псковского подъячего
Похож, ни дать, ни взять,
Теперь с того не для чего
Портрета рисовать.
Там дама авантажная
Катилась впопыхах;
Хоть одноколка важная,
А вся расшиблась в прах.
Сумятица ужасная!

Помпея же в пожар
Уселась, несчастная,
Одна на тротуар.
Какой-то хват пригоженький
С собой старушку звал:
Куда! – Отнялись ноженьки:
Последний день настал.
Отменно нарисовано,
Отличнейшая вещь!
Я был к ней как прикованный,
Впился в неё как клещ.
Так живо представляется,
Что хоть рукой бы взять.
Брюллов наш отличается,
Уж нечего сказать!..
Конторы все питейные,
Горевшие в ту ночь,
Заводы оружейные
Потрафил он точь-в-точь.
Я думал: не в чаду ли я?
Похоже чудо как;
Был в то время в Туле я:
Действительно, всё так.
Создатель! Что за множество
Там разных этих зал;
Я всякого художества
Там пропасть повстречал.
А лучше всех красуется
Статуя мужика:
Он важно в бабки дуется,
И видно, что битка!
По выходе из комнат сих
Я мимо сфинок шел
И было не заметил их,
Да надпись вдруг прочел:
«Мемноновым представлены
В святой наш Петроград,
На пристань здесь поставлены».
Действительно, стоят.
Скажу, *огромные сии*
Две сфинки – чудеса:
В фалборках, как из кисеи,
Закрыты волоса.
Таких чудн#х кроме я
Не видел отродясь:
У них физиономия
Такая, как у нас!
Вот выдумка забавная —
В театре маскерад!

Попировал там славно я,
Уж подлинно впопад.
Как в дни великопостные,
Во всей таки красе,
Такие пресурьезные,
Там в шляпах ходят все.
На всех салопы чёрные
До самых до колен,
А на иных отборные
Наряды всех племён;
Как будто с чайных ящиков
Пришли все в маскарад.
Кабы достать образчиков
Весь Псков наш будет рад.
Уж стали бы отхватывать
Мазурку – ай-люли!
Сумели б всех порадовать,
Как в пляс бы мы пошли.
А здесь что? – Как уходятся —
Расходятся домой;
За это деньги платятся:
Обычай уж такой!..
Раскланяюсь почтительно
Теперь без дальних слов;
Прощайте! Уж действительно
Я завтра еду в Псков...

3

Беда неминуемая и радость могучая

Проплакали отчаянно
Пять суток мы с женой:
Стряслась беда нечаянно
Над нашей головой.
У чёрта сердце сжало бы,
Случись такой изъязн:
На барина две жалобы
Пришло к нам от крестьян;
Донос их на господчика
Упрятал я под спуд,
За то меня, молодчика,
Упрятали под суд.
Прочли то есть нотацию, —
Хоть просто умирать!
Вписали в аттестацию:
К местам не принимать.
Ну где ж тут правосудие,

Я б всякого спросил?..
Чуть только вышел в люди я,
Брюшко чуть отрастил,
Количество изрядное
Деньжонок позашиб;
Житьё-то было б знатное,
Да вдруг – и скушал гриб...
Скажите, – как правительство
Изволит рассуждать:
Вишь, я чиню грабительство!
С чего б им это взять?..
Ходил всегда я в нанковых,
Не то чтобы в трико,
Не брал бумажек банковых
И не тянул клико,
Умел всегда делишечки
Чистехонько вести,
И только разве лишечки
Пришлось мне загрести.
В суде не валежирствовал,
Не делал тяп да ляп;
Ни с кем не дебоширствовал:
Не всё ж ведь цап-царап...
Да что же?.. Я утешуся,
Лиха ль ещё беда!
Не бойтесь – не повешуся!
Найду кусок всегда!
Я поступлю в компанию:
Довольно их зело;
Приличную по званию
Я выберу – назло!..

С женою от Аничкина
Извозчика я взял, —
«Льва Гурыча Синичкина»
Глядеть каприз припал...
Да сбился я афишками,
И вышел тут крючок:
С различными делишками
Шёл Пантелей Жучок.
Он человек, как водится,
Сенатский, деловой;
Да от жены приходится
Пропасть, хоть с головой.
Всё дело-то в нотациях:
Толкуют то и сё;
На тонких экскузациях
Основано тут всё.
Скажу: в большом был горе я,

Бедняга Деловой!
Такая же история,
Вот точно как со мной!..
Зато нас с Василисою
Утешила – вон та,
Что хочет быть актрисою,
Такая суета.
Мне кажется, что шутствует
Она напрасно так:
Актрисой ведь присутствует
Она давно никак?
Ещё тут есть отменнейший,
Честнейший человек,
Расчетливый, почтеннейший,
Одесский то есть грек.
Так сердце к нему клонится,
Ведь как умен, злодей!
Приятно б познакомиться:
Люблю таких людей!..
На днях смотрел *Парашеньку* —
Нет прелестям конца!
На крестницу Евлашеньку
В ней сходство есть лица.
Тут очень уморительно
Всех Гусева смешит,
Тут пляшут так чувствительно,
Что плачут все навзрыд.
Печальная оказия!
Не видел ввек такой:
Чуть сам не был в экстазе я —
Уважил Полевой!
В окошко на прищепке я
Фигуру видел раз;
Признаться: стал в решпекте я,
Глядел почти что с час.
Вертится тут помещица,
Ну точно дама пик;
Я думал, мне мерещится
И стал-таки в тупик.
С испуга я зажмурился,
Но вдруг открыл глаза
И чуть было не втюрился,
Такая ведь краса!..
Что ж это?.. У завивщика,
Так просто, для проказ,
Машина, вроде живчика,
Вертится напоказ.
Меня сначала мучило,
Стоял я как дурак;

А вышло – просто чучело...
И всё-то в жизни так!..
Намедни, кажись в пятницу,
Иду повеса нос,
Встречаю вдруг сумятицу
И вижу: тут курьез.
Коляска самокатная
Катит без лошадей:
Работа деликатная,
Не русских, знать, затей...
И лодка б так не плавала
На полных парусах —
Как будто бы два дьявола
Уселись в колесах...

Но здесь я закалялся,
А дома ждёт жена;
Ну, как бы я не всплакался:
Задорлива она!
Живу в Грязной покудова,
Не плачу ни о чем;
А в Псков меня отсюдова
Не сманят калачом.
Мне здешнее правительство
Оказывает честь:
В газеты, с местом жительства,
Меня велело внести;
Чин, имя и фамилия —
Всё внесено в столбец.
Ведь это значит – в силе я,
Каков я молодец?..
Итак – мое почтение!
Готовый быть по гроб
У вас во услужении
Феклист Онцфрич Боб.

1840

Кабинет восковых фигур...

Из Вены, в человеческий рост, содержащий более 125 частью вращающихся фигур или автоматов, групп и изображений предметов исторических и мифологических, из коих многие целые из воску. Каждый день с 4 до 9 часов пополудни показываются публике при великолепном освещении.

Кто не учился в детстве в школах,
Историй мира не читал,
Кто исторических героев
В натуре видеть не желал,

И кто в часы уединенья,
В часы вечерней тишины
Не рисовал воображеньем
Картин героической старины?
Чтоб оживить свои идеи,
О чем мечтала старина,
Так вы идите в галерею,
Идите в дом Осоргина.
Там всё, что умерло и сгнило,
Мы оживили навсегда.
Оно и дешево и мило:
Ей-ей, смотрите, господа!
Чем вам по Невскому слоняться,
Морозить уши и носы,
Идите с прошлым повидаться,
Смотреть истлевшие красы.
Там целый ряд былых деяний
Людей умерших и живых
Предстанет в пышных одеяньях
В лице героев восковых.
Вы их с вниманьем рассмотрите, —
Довольны будете собой,
Притом художнику дадите

За труд награду с похвалой.
Взойдёте – прямо перед вами
Стоит задумавшись один,
Тальма, прославленный людьми,
Французской сцены исполин.
Его французы все любили,
Он их героев представлял;
Как мы их лица оживили,
Так он их страсти оживлял.

Иван Иванович Штейнигер-с
С саженой бороною,
Он был в немецком городе-с
Когда-то головой.
А вот Вильгельм Васильевич
Тель, парень молодой;
Он славно дрался с немцами
За город свой родной.
Он – штука не последняя —

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.